

К ПЕРЕПИСКЕ ХАДЖИ-МУРАТА МУГУЕВА И ХАЛИДА ОШАЕВА

И. С. Хугаев

В Чечне и Ингушетии хорошо известно письмо чеченского писателя и общественного деятеля прошлого века Халида Дудаевича Ошаева к его осетинскому коллеге Хаджи-Мурату Магометовичу Мугуеву. Оно довольно широко воспроизводится некоторыми веб-ресурсами и цитируется профессиональными литературоведами и историками. Указанное письмо, как видно из его композиции и содержания, явилось ответом на письмо Х.-М. Мугуева, о котором прежде читатели могли судить только по тем цитатам (хоть обильным), которые приводит, в полемических целях, сам Х. Д. Ошаев. Здесь мы впервые публикуем полный текст предшествующего письма Хаджи-Мурата Мугуева, а также первое письмо Халида Ошаева, по поводу которого он сам сожалел, что не «оставил копию», «чтобы показать Мугуеву», где он «искажал» «его мысли» (документы обнаружены нами в фондах Музея осетинской литературы (МОЛ) им. К. Л. Хетагурова). Теперь мы, очевидно, располагаем полной перепиской Халида Ошаева и Хаджи-Мурата Мугуева, представляющей интерес и с научной стороны, и со стороны ее этико-психологического содержания, отразившего важные коллизии общественного сознания середины XX века. Писатели в довольно открытой и бескомпромиссной форме спорят о личности генерала А. П. Ермолова (непосредственным поводом для дискуссии послужил образ генерала в историческом романе Хаджи-Мурата Мугуева «Буйный Терек») и его роли в судьбах народов Северного Кавказа, и, в этой связи, о характере национальной политики в Российской империи и в Советском Союзе и национальных (горских народов) драмах XX века.

Ключевые слова: Хаджи-Мурат Магометович Мугуев, Халид Дудаевич Ошаев, «Буйный Терек», генерал Ермолов, роман, письмо, чеченцы, ингуши, дагестанцы, осетины.

The letter of the Chechen writer and public figure of the last century Halid Dudayevich Oshaev to his Ossetian colleague Hadji Murad Magometovich Muguev is well-known in Chechnya and Ingushetia. It is rather widely reproduced by some web resources and is cited by professional literary critics and historians. This letter, as follows from its composition and contents, was the answer to the letter of H.-M. Muguev, the readers could have guessed the contents of the latter only from the excerpts (though profuse), which H. D. Oshayev cites for polemical purposes. Here we publish for the first time the full text of this previous letter of Hadji Murad Muguev, as well as Halid Oshaev's first letter, which he regretted not «to leave a copy of», «to show Muguev», where he «distorted» «his thoughts» (the documents have been discovered in K. L. Khetagurov's Ossetian Literature Museum). Now we obviously have the full correspondence of Halid Oshaev and Hadji Murad Muguev, which is of interest both from the scientific point of view and from its ethical and psychological content, which reflected important collisions of public consciousness in the mid-20th century. Both writers in a rather outspoken and uncompromising form debate on the personality of General A. P. Ermolov (the direct reason for the discussion was the image of the general in the historical novel «The Wild Terek» by Hadji Murad Muguev) and his role in the destinies of the peoples of the North Caucasus, and, in this connection, the nature of the national policy in the Russian Empire and in the Soviet Union and the national (mountain peoples) dramas of the XXth century.

Keywords: Hadji Murad Magometovich Muguev, Halid Dudayevich Oshaev, «The Wild Terek», General Ermolov, novel, letter, Chechens, Ingushs, Dagestanis, Ossetians.

В одном из недавно опубликованных нами писем Муссы Хакима к Хаджи-Мурату Мугуеву [1] (именно, в письме от 27 февраля 1960 г.) автор упоминает из-

вестного чеченского писателя, филолога и общественного деятеля, в то время заместителя директора Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы Халида Дудаевича Ошаева, к которому он рекомендует своему корреспонденту обратиться по поводу «грозненских материалов», могущих быть полезными Мугуеву в ходе его работы над второй книгой романа «Буйный Терек». Тогда мы поместили в примечаниях краткую справку¹ о Х. Д. Ошаеве и констатировали, что переписка между Мугуевым и Ошаевым действительно имела место. При этом мы дали ссылку на известное северокавказским литературоведам и широкому читателю (особенно в Чечне и Ингушетии) письмо Халида Ошаева к Хаджи-Мурату Мугуеву от 15 сентября 1961 г.², — и пообещали в свое время опубликовать предшествующее ему письмо Мугуева, ответом на которое оно явилось.

Здесь мы публикуем обещанное письмо, а заодно и первое письмо этой короткой переписки, также обнаруженное в фондах МОЛ (Музея осетинской литературы им. К. Л. Хетагурова), — то самое, о котором Х. Д. Ошаев говорит: «Я сожалею, что не оставил копию письма, чтобы доказать Вам, где Вы искажаете мои мысли...» [5].

Первое письмо Х. Д. Ошаева, написанное, предположительно³, в августе 1961 г., помимо остального, проясняет для нас, что инициатором переписки был именно Х. Д. Ошаев, а не Х.-М. Мугуев, который мог, как мы допускали ранее, воспользоваться советом Муссы Хакима, и, соответственно, оно никак не связано с его поиском неких «грозненских материалов», о которых говорит Мусса Хаким.

О содержании и тональности письма Х.-М. М. Мугуева наши коллеги до сих пор судили лишь по реакции оппонента и тем цитатам из письма Мугуева, которые он использует в своем ответе. Теперь же мы располагаем полным диалогом

между Ошаевым и Мугуевым. В предыдущей статье мы предполагали, что писатели отправили друг другу по два письма; однако, как нам представляется теперь, по повторном ознакомлении с материалом, данная дискуссия вряд ли имела какое-либо продолжение после письма Х. Д. Ошаева от 15 сентября 1961 г. Впрочем, полной уверенности в этом также не может быть, и, вполне вероятно, со временем появятся и новые сведения или документы по этому «делу», — отсюда и заголовок («К переписке...») нашей публикации.

Что касается проблематики этой дискуссии — а писатели в довольно открытой и бескомпромиссной форме спорят о личности генерала А. П. Ермолова, его роли в истории России и Кавказа, и, в этой связи, о национальных (горских народов) драмах XX века, — то мы вовсе не ставим задачи выступить арбитром в этой полемике. С нас достаточно сознания того, что данная публикация восполняет материалы по этому интересному предмету и уточняет его этические аспекты, размышляя над которыми хочется верить, что само время хотя бы отчасти примирило позиции полемистов, что для сегодняшней Российской державы — с учетом формирования ее новой идеологии — историософские коллизии, о которых спорят Мугуев и Ошаев, оба горцы и коммунисты, уже не так актуальны.

Такую веру мы считаем единственно органичным настроением и для строго филологического подхода к вопросу, в рамках которого, во всяком случае, квалификации Мугуева как «осетинского писателя-шовиниста» [3] или как человека, «сеявшего» «слухи и домыслы» [6, 94] о чеченцах и ингушах и исполнившего некий «социальный заказ»⁴, выглядят абсолютно безосновательными, а, соответственно, оценка письма Ошаева как заслуженной «резкой отповеди» Мугуеву [3] — явно чрезмерной, представляющей дело таким образом, будто «шовинист»

был поставлен на место. Нелишним будет вспомнить здесь, дабы оградить филологическое сознание от поспешных и соблазнительных трактовок, что перу Х.-М. Мугуева принадлежит книга очерков «Ингушетия»⁵, которую чеченцы и ингуши тоже охотно цитируют на своих веб-сайтах⁶, даже не подозревая, что они цитируют «шовиниста»: книга эта содержит тонкие наблюдения о психологии и культуре ингушей и абсолютно тактична и даже комплиментарна.

Х.-М. Мугуев сошел однажды (в 1936 году) и за дигорского «буржуазного националиста» [10, 344], что также совершенно не согласуется с объективным содержанием его творчества и здравым смыслом.

Надо заметить, что предмет полемики отнюдь не коренится всецело в ущемленных национальных чувствах Х. Д. Ошаева; среди критиков образа генерала Ермолова и вообще изображения Кавказской войны в романе «Буйный Терек» были и осетины. Например, свой скепсис прямо выразил Мугуеву тогда еще молодой Нафи Джусойты (это письмо мы тоже опубликуем в свое время). А среди искренних и горячих почитателей «Буйного Терека» были и чеченцы (Ошаев это и сам признает), и ингуши, и дагестанцы⁷.

Вообще, с учетом неоднозначной среды северокавказских народов памяти генерала Ермолова, Мугуев совершил довольно смелое предприятие, — и в целом, кажется, преуспел. Важно подчеркнуть, что при безусловных элементах идеализации и эстетизации А. П. Ермолова, историко-художественная концепция «Буйного Терека» сбалансирована чутким, сочувственным и чисто по-горски этичным отношением к имаму Гази-Магомеду, мюридизму и всем племенам Кавказа, — в том числе к чеченцам (достаточно вспомнить чеканный и обаятельный образ Кунты-эфенди [13, 33]). Здесь нет «фальсификации истории» [3];

спор между Х. Ошаевым и Х.-М. Мугуевым в строгом смысле вызван только несогласием в принципах *типизации* конкретной исторической личности, а затронутые полемистами вопросы о национальной политике Советской власти, депортации горских народов и др. уже не имеют отношения к роману Мугуева, хотя Ошаеву и показалось в свое время, что, «подняв Ермолова на пьедестал», писатель тем самым выступил на стороне «противников восстановления [Чечено-Ингушской] республики» (см. ниже), и, надо думать, гипотетически и опосредованно (тоже с точки зрения Ошаева) — на стороне участников т.н. «русского бунта в Грозном» в августе 1958 г., которые, помимо прочего, скандировали: «Да здравствует Ермолов!» [14, 102]. Следуя этой логике, можно дойти до заключения, что, написав яркий романтический образ Гази-Магомеда, Мугуев выступил против Советской власти.

Всегда, конечно, хочется представить себе психологические пружины той или иной «тяжбы», выявить динамику того или иного исторически важного диалога безотносительно конъюнктурных обстоятельств. В этом отношении мы указали бы исходную дружелюбность Халида Ошаева («Дорогой Хаджимурад»), при которой похвала (и готовность сотрудничать, о чем свидетельствует отправленный Мугуеву перевод предания о защите Дады-Юрта) согласуется с более или менее аккуратным критическим упреком; однако, Х.-М. Мугуев, словно он рано или поздно ожидал чего-нибудь такого, — неожиданно для Ошаева отвечает довольно холодно и жестко, — и эта «плохо скрытая» [5] раздраженность спровоцировала второе — уже вовсе не «сумбурное» [5], а продуманное и композиционно, и стилистически, и местами тоже довольно резкое — письмо Ошаева.

При публикации материала мы намерены ограничиться самыми необходимыми фактографическими комментариями.

ОШАЕВ ХАЛИД ДУДАЕВИЧ —
МУГУЕВУ ХАДЖИ-МУРАТУ
МАГОМЕТОВИЧУ

Дорогой Хаджимурад! Вы, конечно, меня не помните. И не мудрено. Прошло уже с тех пор 40 лет. Я вас встречал у Николая Федоровича Гикало в его квартире во Владикавказе, несколько раз в Горском обкоме и, кажется, у Дзедзиева⁸ на квартире. Я был тогда еще «зеленый», молодой человек, а сейчас уже старый, в этом году пошел на пенсию. Работал я в Чеч.-Инг. иауч. иссл. институте на должности зам. директора, сам я тоже грешу, пописываю на чеченском языке, состою членом СП. Может, был бы писателем с именем, хотя бы в масштабе Чечено-Ингушетии и Осетии, но судьбе угодно было вычеркнуть 20 лет из моей жизни: 1937 год и 1944 (выселение народа) оказались роковыми.

Я читал Вашу книгу «Буйный Терек». Слов нет — замечательная книга. Такая же — оценка чечено-ингушской интеллигенции. С одной стороны, я и многие чеченцы и ингуши, с которыми уже приходилось говорить о Вашей книге, горды тем, что эту замечательную книгу написал наш человек — горец-осетин. С другой стороны, и у меня, и у других на сердце горечь. Горечь оттого, что Вы незаслуженно высоко вознесли личность Ермолова, врага и душителя чеченского народа. Вы презрели даже высказывания Пушкина о нем. И тот — до мозга костей патриот России — вовсе не склонен был возводить Ермолова на пьедестал, как сделали это Вы.

Что из себя представлял Ермолов? Прежде всего этот человек был обижен так называемой «немецкой партией». И вся его оппозиционность и фрондерство основано было на том, что (его) неимоверное честолюбие неизменно ущемлялось и при дворе Александра, и при дворе Николая I. Его заигрывание с декабристами кончилось бы в тот же день,

как он получил бы в руки власть. Склонны некоторые в наше время поднимать его на щит, как декабриста. И это только на том основании, что он дал Грибоедову возможность уничтожить компрометирующие его письма. Но почему же он, если он был предан идеям декабристов, стоя во главе 50-тысячной преданной ему Кавказской армии, не попытался пойти стопами Пестеля и руководителей Черниговского полка? Почему он не задумался ни минуты, когда присягнул Николаю I?

И настоящее свое лицо крепостника он показал на Кавказе. 11 лет правления Ермолова в Чечне и Дагестане были школой для горцев: они узнали лицо генералитета и царя. Почему чеченские аулы, до появления Ермолова признававшие власть русского царя, мирно жившие в составе России с 1786 года, вдруг в 1817 году откололись начали отчаянную борьбу с царскими войсками, которая продолжалась до 1859 г.? Известно ли Вам, дорогой Хаджимурад, что система завоевания Кавказа, на практике примененная Ермоловым, к концу 1859 года привела к уменьшению населения Чечни более чем вдвое?.. Даже Александр I, отправляя Ермолова на Кавказ, в своем рескрипте давал ему сравнительно мягкие указания в отношении горцев (См. в Акт. Арх. К.⁹). Этого генерала Вы подняли на щит.

В г. Грозном был единственный памятник Ермолову — единственный в России, если не считать надмогильного. Этот памятник в 1920 году товарищем Гикало и вернувшимися из партизанских странствий грозненцами был свергнут. Был свергнут, чтобы вытравить всякие воспоминания у чеченцев о том жестоком периоде управления горцами. Я не за разрушение памятников, кому бы они ни были

поставлены, если они говорят о каком-то куске истории. Но памятник Ермолову в городе Грозном после выселения чеченцев был восстановлен, вернее создан вновь. Памятник же чеченскому революционеру Асламбеку Шерипову был свергнут и стащен в Сунжу. Таким образом, восстановленный памятник Ермолову должен был сыграть роль осинового кола на могиле выселенного чечено-ингушского народа — наша высылка мало чем отличалась от резервации индейцев и негров, а политика в отношении нас была берийским изданием геноцида.

Когда Никита Сергеевич перед XX съездом ставил вопрос об обратном переселении выселенных Сталиным и Берия народов, самыми рьяными противниками в этом деле были Маленков, Молотов и Каганович... Они и не могли иначе выступить — потому что выселение и установленный режим были делом их рук. Так вот и в бывшей Грозненской области было (да и есть) множество людей — противников восстановления республики чеченцев и ингушей... Эти люди — последыши Молотова-Маленкова-Кагановича. Эти люди и сейчас держатся за памятник Ермолова, отражая линию Молотова.

Я, может быть, много говорю. Но сейчас я скажу Вам, что думаю я, и то, что о Вашей книге думают другие.

Думают так: Вы подняли на пьедестал Ермолова, значит, невольно Вы поддерживали противников восстановления республики. Своей книгой вы поддержали объективно линию проф. Бушуева¹⁰, который нашими здешними бывшими руководителями был специально вызван для ограждения личности Ермолова от нападков со стороны инакомыслящих горцев (в вопросе о Ермолове).

Книга Ваша, конечно, будет переиздана. Думаю, Вам будет бесполезно учесть такие настроения у нас. В прошлом году в Чечено-Ингушском пединституте была читательская конференция студентов,

кажется, даже по поводу Вашей книги. Но всплыл вопрос об отношении к Ермолову, затронули Вашу книгу. Вмешался обком партии. Настроения не изменили, но «притушили».

Вот что я хотел Вам написать.

В письме я Вам посылаю подстрочный перевод чеченской исторической песни о взятии Дади-Юрта и его разрушении. К сожалению, здесь приведен только отрывок. Я старался держаться языка подлинника, как можно ближе. Это я делаю, чтобы Вы вникли даже в синтаксические тонкости чеченского языка.

В случае переиздания книги, я думаю, Вам будет небезынтересно поместить хороший перевод этой песни в тексте.

СКАЗАНИЕ О ВЗЯТИИ ДАДИ-ЮРТА (Слово «Дади» — родительный падеж от слова «Дада» — отец. «Дади-Юрт» — «отцово слово»¹¹)

Дальше идет на 11 страницах «отрывок» из этого сказания с бесконечными сносками, пояснениями слов, переводами и пр. Заканчивается словами: «Перевод Халида Ошаева. Напечатано на чеченском языке в сборнике, изданном Чеч.-Инг. науч. иссл. институтом в 1959 г. С. 185-186».¹²

Об этой Амировой Зазе (она упоминается в этих стихах), ходит такая легенда, что для поддержания духа борющихся она забиралась на плоскую крышу высокого дома и била в огромную «чару» — медную чашу (служит для купания и стирки белья; обычно в диаметре 80-100 см.). Она била в чашу беспрерывно, пока не была подбита из оружия «курпал» (иногда — «гурпал»).

Когда жители Гудермесского района вернулись в 1957 г. из Средней Азии, первое, что они сделали — это было проявление заботы о братской могиле близ бывшего Дади-Юрта. Там похоронены павшие в день боя (12 сент. 1819 г.). Любопытно еще одно воспоминание у народа. За день до боя в Дади-Юрт приехали из Дагестана два кубачинца-кинжалных мастера. Когда начался бой, они роздали

все свои кинжалы, привезенные для продажи. Себе оставили два кинжала и оба погибли в бою. После ухода войск, когда собирали трупы для похорон, нашли и тела двух кубачинцев. Их тела народ похоронил вблизи братской могилы отдельно. На братском кладбище, раньше, до выселения, росла роща вроде осетинской рощи «Хетаг». Сейчас братскую могилу вновь окопали глубоким рвом и снова засадили деревьями. Это я Вам сообщаю для интереса.

Мне сказали, что Вы очень плохо видите. Я очень огорчен. Желаю Вам бодрости и здоровья. Привет семейству Вашему.

Халид Дудаевич Ошаев.

Г. Грозный, прос. Революции, 26/36.
Кв. 30. Тел. 2-44-82.

Фонды МОЛ. Ф. Хаджи-Мурата
Мугуева.

Ст. 2. Пол. 1. Кор. 9, П. 3.

**МУГУЕВ ХАДЖИ-МУРАТ
МАГОМЕТОВИЧ — ОШАЕВУ ХАЛИДУ
ДУДАЕВИЧУ¹³**

(6 сентября 1961 г.)

Здравствуйтесь, товарищ Ошаев. Я получил Ваше письмо и не ответил сразу же лишь потому, что был в отъезде.

Я внимательно прочел его, и оно ожило меня. Я знал, что вопрос о Шамиле, мюридизме, завоевании Кавказа и личность генерала Ермолова еще не полностью освещены в нашей исторической литературе, но я знал также и то, что еще далеко не изжиты кое в ком отсталые, вредные националистические тенденции. И вот Ваше письмо, сумбурное, со ссылками на историю, на прошлое Кавказа, на недавнее выселение чеченцев и ингушей. Зачем оно написано?

Оказывается, Вы считаете, что моя книга «Буйный Терек» вольно или невольно оправдывает это выселение. Так пишете Вы.

Отбросив в сторону лестные и вовсе не нужные комплименты в мой адрес, давайте разберемся в затронутом Вами вопросе, так как он выходит за рамки моего романа.

Начнем с самой сути.

Да, я писал с твердой убежденностью, что Россия должна была в своем государственном развитии двигаться на Кавказ, так же как и к морям — Черному, Балтий-

скому и Тихому океану. Не может человек стоять на одной ноге, тем более огромное государство, Россия, должна выйти в своем историческом, экономическом, политическом, военном и национальном развитии к морским путям. Это сделал Петр Великий, об этом писали Пушкин, Лермонтов и лучшие умы России. Итак, Россия закономерно двигалась на Кавказ. Закономерно было и сопротивление горских племен этому продвижению.

Вы закричите: «Это агрессия»; но поймите, что ни Петр Великий, ни Суворов с Кутузовым, ни Ермолов и другие не были коммунистами и жили очень далеко во времени от наших дней. Поэтому их действия и политику надо рассматривать с учетом времени и движения истории.

Я глубоко убежден в том, что завоевание Кавказа Россией было (несмотря на обильную кровь, пролитую сто лет назад обеими сторонами) делом прогрессивным, оправданным дальнейшим ходом истории.

Вы возведете к небу руки, но я повторяю: глубоко прогрессивным, и вот почему.

Разве Вы не знаете о притязаниях Персии и Турции на «искони мусульманские

и века принадлежавшие им провинции», как именovali Закавказье и Дагестан оба эти государства?

Вы человек цивилизованный, хорошо образованный и, по-видимому, изучивший историю Кавказа, его прошлое, а также и прошлое его соседей. Вам ни разу не пришла в голову такая мысль: что бы было с Закавказьем и горцами, если бы Россия не пришла туда в конце XVIII и затем в начале XIX века?

Какая «культура», какая «свободная жизнь», какое «процветание» было бы в Грузии, Чечне, Осетии, Армении и Азербайджане?

Я могу Вам сказать с уверенностью, что, случись это, Вы бы не были советским интеллигентом, чеченским просвещенным деятелем, не писали бы на своем и других языках и, конечно, не занимали бы пост замдиректора научно-исследовательского института. В лучшем случае — сидели бы где-нибудь в горах Шатоя, или на плоскости возле Шали и Ваша жизнь ничем не отличалась бы от жизни первобытного горца.

То же самое, вероятно, было бы и со мной, и с тысячами осетин, ингушей, чеченцев, дагестанцев и др. И никакой политической и национальной свободы мы бы не имели, находясь под пятой Ирана или Турции. Оглянитесь в их сторону, почитайте историю мухаджиров, в 1863 году ушедших с Муссой Кундуховым в Турцию.

Да Вы это знаете хорошо и без меня. Пойдем дальше.

Вы обрушились на генерала Ермолова, который является одной из центральных фигур в моем романе. Вы не находите слов, чтобы облить презрением и оскорблениями этого, достойного уважения, генерала.

Удивительная вещь, как ненавидите Вы Ермолова, подчеркивая его кровожадность, уничтожение аулов, беспощадность к тем, кто защищал их. Но Вы забываете, что генерал Ермолов был еще и «проконсулом Кавказа», главно-

командующим кавказским корпусом, генералом, которому была поручена как безопасность границ, так и охранение рубежей, вошедших в состав Российской империи. Вы не хотите помнить, что Ермолов был сподвижником Суворова и Кутузова, близким другом декабристов, Пушкина, спас Грибоедова, помог посланным на Кавказ офицерам и солдатам Черниговского и Московского полков. О нем с уважением писали поэты Лермонтов, Жуковский, Растопчина, Полонский. Если бы Вы внимательно прочли его переписку с рядом выдающихся людей того времени, узнали бы оценку его жизни и дел из мемуаров и хотя бы «дела о 14-м декабря 1825 года», Вы бы хоть несколько изменили свою точку зрения на этого уважаемого человека, патриота, стоящего в одной шеренге с прославленными русскими генералами Отечественной войны, как, например, Багратион, Платов, Тучков и др.

Но Вам это неинтересно и не нужно, потому что местный провинциальный патриотизм и узкие интересы близоруких, не видящих дальше своего носа, людей, Вам дороже истории и здравого смысла.

Вы много говорите о том, что с 1861 года в Грозном стоит памятник Ермолову. Вас возмущает это, Вы готовы свалить его. Почему? Потому что он разгромил Дады-Юрт и жестоко карал воевавших против русского продвижения чеченцев; но тогда надо свалить памятники многим великим и прославленным людям.

Ведь Суворов воевал против Пугачева и разбил его в двух-трех сражениях, ведь он же взял Варшаву, разбил польских повстанцев и пленил Костюшко. А история Ермака и покорение Сибири — известны Вам? Город Хабаровск и поныне носит имя русского казака-завоевателя — Ерофея Павловича Хабарова. А присоединение Камчатки к России, совершенное храбрым казаком Атласовым? И таких

примеров можно привести много. А Шамиль? Разве он не достоин известности и уважения? Вы скажете, что Шамиль защищал свою Родину и свободу? То же делали и Кутузов, и Суворов, и Ермолов.

Обрушиваясь на Ермолова, Вы недвусмысленно говорите о том, что я «идеализирую», «возношу на щит» А.П. Ермолова.

А я и не боюсь этого, с тою лишь разницей, что я не «возношу», а отдаю ему должное. Для меня Ермолов — герой, прогрессивный генерал XIX века, умница и государственный человек, друг Суворова, Кутузова и ненавидимый Николаем генерал (что Вы упускаете) ¹⁴.

Вы задаете не то наивный, не то лукавый вопрос: а почему же Ермолов, подобно Пестелю, не поднял восстание против Николая I?

Во-первых, Пестель не поднимал восстания, а во-вторых, Ермолов, как это и указано в моем романе, не мог идти на Петербург с «50-тысячным кавказским корпусом», хотя бы потому, что декабрьское восстание было уже давно подавлено, а русский генерал, «проконсул Кавказа» не мог и никогда (как умный человек и патриот) не оголил бы границ с Персией и Турцией, которые (как Вам известно) в 1826 году и затем в 1827 и 1829 годах открыли военные действия против России. А незамиранный Кавказ, а пути-дороги и все такое? Вы не подумали об этом?

Да и никто, нигде и никогда не говорил о том, что Ермолов был декабристом. Он был близок к ним, он был прогрессивным генералом, — не больше. Так зачем же Вам обвинять его в том, чего нет и не было в истории?

Теперь о его действиях на Кавказе. Да, он был беспощаден и жесток к горцам. Это показано в моем романе: прочтите еще раз внимательно разгром Дады-Юрта, прочтите его разговор с Грибоедовым, наконец, — его высказывания о персиянах.

Но разве Вы не понимаете, что Грибоедов не мог быть иным, оберегая границы своего государства? Возьмите в руки документы истории и Вы убедитесь, что еще задолго до прихода А.П. Ермолова на Кавказ шейх Мансур¹⁵ (а кто он и что он, Вы сами знаете) будоражил Кавказ, огнем и кровью прошел по станицам и аулам. Где же вина одного лишь Ермолова? «Горцы до него жили с русскими мирно», — пишете Вы. А Мансур? А Бей-Булат¹⁶ и другие? Ну, а после Ермолова и Барятинского Кунта Хаджи и еще десяток других?

Вы, вероятно, знаете, что когда в 1854 году неудачи Крымской войны поколебали не только русское общество, но и самого Николая I, он обратился к Ермолову с высочайшим письмом, в котором назначал его «главнокомандующим все-русским ополчением». На это Ермолов, как и всегда презиравший Николая, ответил: «Ваше величество! В годы, когда я был крепок и нужен России, Вы уволили меня из армии, теперь же, когда я немощен и стар, Вы призываете меня обратно. Я дряхл и болен и не могу принять командование над ополчением».

Как Вы думаете, изменился ли А.П. Ермолов в старости? Нет. Как он был в 1826 году, таким и остался в 1854-55 годах.

Многие ли русские генералы ответили бы так царю?

И, наконец, тяжелая, очень горькая история с выселением чеченцев и ингушей в 1944 году.

Я — Вы можете этому верить или не верить, это Ваше дело, — я глубоко переживал эту меру. Как тогда, так и сейчас считаю, что народ не отвечает за группы оголтелых шовинистов и мерзавцев; но задаю Вам законный вопрос: где были Вы (не Вы лично, а партийная, советская общественность, интеллигенция), почему вы допустили разброд в вашем народе, тогда, когда весь советский народ, вся Россия встала на защиту родины? Почему?

Вы не найдете ответа, вернее, не захотите сказать правды. Я Вам скажу ее.

Потому что тогда (как и теперь) вместо того, чтобы учить свой народ интернационализму с одной стороны и любви, преданности к Родине с другой, некоторая часть чечено-ингушской интеллигенции погрязла в прошлом, в кампаниях и счетах с историей, с извращением действительности, с воспеванием давно отжившего феодального и родового быта. И этим нанесли огромный вред своему народу.

«В карете прошлого не уедешь далеко», — говорил Максим Горький. А Вы, в век атома и космических ракет, пытаетесь поплотнее усестись в прадедовскую бидарку.

Я понимаю, что это письмо не обрадует Вас, но Вы обратились ко мне, и я считаю необходимым ответить Вам честно и прямо. Уводите молодежь от затхлой, изжившей себя старины. В прошлом наших отцов было много хорошего, достойного уважения, но было много и такого, о чем не хочется и вспоминать.

Я не буду перечислять Вам этого; вы на местах знаете лучше меня. Но главное это — национализм, уход в прошлое, его идеализация. Грешат этим не только в Чечне, есть это и в Осетии, и в Дагестане, и еще кое-где.

Противопоставление своей нации другой — отвратительно, и мы, пожилые, пережившие на своем веку многое, знающие цену добру и злу, обязаны во весь голос предостеречь от этого свою молодежь.

Этот запоздалый национализм смахивает на время печальной памяти Кочова, Бамматова, Тапы Чермоева, Бае-

ва¹⁷ и других. Была в те дни такая газета — «Вольный горец»¹⁸, которая тоже немало говорила о «вольности» горцев, делая вид, будто не понимает, что эта «вольность» идет по панисламистскому каналу. И что же? В 1921-1922 годах я работал в нашем Генеральном консульстве в Турции в г. Трапезунд и каждодневно видел на базарах несчастных, обнищавших горцев и азербайджанцев, которых обманули и увели в Турцию эти «вольные горцы», сами улепетнувшие в Париж под крылышко Антанты и беззаботно проживавшие в сытости свои дни, а обманутые ими люди бездомные, голодные сотнями приходили к нам в консульство, прося как милости вернуть их обратно в Чечню, Дагестан и Азербайджан.

В заключение должен сказать, что если я в чем твердо убежден, то на меня не действуют уговоры и непрошенные советы поступать иначе. Вы предлагаете мне «учесть настроение» некоторой части читателей, возмущенных изображением Ермолова. Благодарю Вас, но я остаюсь при своей точке зрения и в случае повторного издания романа никаких изменений в исторической и политической концепции делать не намерен¹⁹.

Спасибо за заботу о моем зрении. Четыре месяца назад мне была сделана удачная глазная операция, в результате которой я стал почти зрячим.

Всего хорошего.

Хаджи-Мурат Мугуев.

Москва, 6 сентября, 1961 г.

*Фонды МОЛ. Ф. Хаджи-Мурата
Мугуева.*

Ст. 2. П. 1. К. 9. П. 3.

Примечания:

1. Здесь, вероятно, имеет смысл ее расширить. Ошаев Халид Дудаевич (1897-1977) — участник революционного движения и Гражданской войны на Северном Кавказе, один из первых директоров (1930-1936 гг.) Горского педагогического института в г. Орджоникидзе (Владикавказ), директор Северо-Кавказского горского историко-лингвистического НИИ им. С. М. Кирова в Пятигорске (1936-1937 годы). В 1937 году репрессирован; срок отбывал в Магадане; реабилитирован в 1957 году. В 1957-1961 гг. — заместитель директора по научной работе в Чечено-Ингушском НИИ истории, языка и литературы в Грозном. Дебютировал в печати в середине 1920-х годов. Автор пьес «Закон отцов» (1923), «Побеги бюрократизма» (1931), «Клещ» (1934), «Борьба продолжается» (1936), «В одной руке два арбуза» (1961); «Асланбек Шерипов» (1958), «Перевал» (1976), романа «Пламенные годы» (1959-1964), художественно-документальной повести «Брест — орешек огненный» (1990), ряда работ о чеченском языке (в т.ч. чеченского алфавита на латинской графической основе) и переводов произведений чечено-ингушского фольклора. Более подробно о жизни и творчестве Х. Д. Ошаева см.: [2; 3; 4].

2. Данное письмо в фондах МОЛ отсутствует; читатель может ознакомиться с ним на указанных в своем месте веб-ресурсах. Конечно, мы могли бы использовать в комментариях к двум помещаемым здесь письмам и последний ответ Х. Д. Ошаева, но это несколько переформатировало бы и «жанр», и задачу настоящей публикации.

3. Дело в том, что мы располагаем только машинописной копией этого письма, в которой не проставлена дата его написания (впредь мы условно будем датировать его августом 1961 г., чтобы отличать его в ссылках от второго, *сентябрьского* письма Х. Д. Ошаева). В том, что оно соответствует оригиналу, нет сомнений; Мугуевым только удален не имеющий отношения к предмету спора фрагмент, представляющий собой приведенный Ошаевым отрывок из чеченского исторического предания о защите аула Дады-Юрт (см. ниже).

4. С.-А. Лулуев пишет: «Чего стоит социальный заказ такого типа: «В то время, когда вся Советская власть, весь советский народ встал на защиту Родины и делал все возможное для победы над фашистской Германией, чечено-ингушский народ стоял в стороне и наблюдал за разгромом фашизма...» Исполнителем этого заказа был автор романа «Буйный Терек», писатель Х. Мугуев. Недостойному для кавказца циничному пасквилю достойный ответ дал в свое время славный сын чеченского народа Халид Ошаев» [6, 93]. Но Мугуев такого не писал. На самом деле у него соответствующий пассаж выглядит так: «Я — Вы можете этому верить или не верить, это Ваше дело, — я глубоко переживал эту меру (выселение вайнахов. — И. Х.). Как тогда, так и сейчас считаю, что народ не отвечает за группы оголтелых шовинистов и мерзавцев; но задаю Вам законный вопрос: где были Вы (не Вы лично, а партийная, советская общественность, интеллигенция), почему вы допустили разброд в вашем народе, тогда, когда весь советский народ, вся Россия встала на защиту родины?...» (см. ниже). Таким образом, «социальный заказ», сформулированный С.-А. Лулуевым, является только интерпретацией риторического вопроса из второго письма Х. Д. Ошаева (именно последней части вопроса, *условно*, что выглядело, как прямая цитата, взятой Ошаевым в кавычки): «Вы понимаете, что Ваше высказывание — есть прямая ревизия решений XX съезда партии о нашем чечено-ингушском народе? Значит, Вы утверждаете, что когда «весь советский народ, вся Россия встала на защиту нашей Родины» чечено-ингушский народ стоял в стороне?» [5]

5. См.: [7].

6. См.: [8; 9].

7. Следует особо отметить теплую дружескую переписку Х.-М. Мугуева с Баширом Чахкиевым (г. Грозный) и А. Омаровым и Т. Ахмедзияутдиновым (с. Чиркей ДАССР) (см.: [11; 12]).

8. Предположительно, Н. И. Дзедзиев, первый прокурор Горской республики, образованной в 1922 г.

9. Акты Кавказской археографической комиссии (АКАК). Тифлис, 1866-1904. Т. 1-12.

10. Бушуев Семен Кузьмич, советский историк-кавказовед; автор таких работ, как «Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля» (М.-Л., 1939), «Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказ к России (20-70 гг. XIX в.)» (М., 1955), «О кавказском мюридизме» (Вопросы истории. 1956. № 12. С. 72-79). Трактовал горское сопротивление как «инспирированное» внешними силами; наряду с М. В. Покровским и А. В. Фадеевым акцентировал «реакционную оболочку мюридизма, феодально-клерикальный характер движения горцев» [15].

11. Очевидно, опечатка Мугуева, допущенная им при копировании. Должно быть «Отцово село».

12. Курсивом выделено пояснение Х.-М. М. Мугуева, при копировании письма опустившего указанный фрагмент. В указании страниц сборника, тоже, очевидно, опечатка, коль скоро речь идет об 11 страницах текста в письме Ошаева.

13. Вместе с этим письмом в фондах МОЛ хранится и копия письма Х.-М. М. Мугуева к Александру Степановичу Трофимову, Первому секретарю Чечено-Ингушского обкома КПСС (от 8 ноября 1961 г.): «Уважаемый Александр Степанович! Посылая Вам копию письма тов. Х. Ошаеву, прошу Вас напечатать его в Вашей республиканской газете. Я не делал бы этого, если бы из письма т. Ошаева не узнал, что мой роман «Буйный Терек» имеет своеобразный резонанс в некоторой части читательской общности Чечено-Ингушетии. Чтобы читатель имел ясное и полное понимание моей точки зрения на описываемые мною события, — прошу опубликовать настоящее письмо. Вступлением к нему может служить вышенаписанное мое обращение к Вам. При напечатании прошу категорически не опускать ни одного слова из письма, а также по напечатании предложить редакции выслать мне 2 экз. газеты. Хаджи-Мурат Мугуев» [16]. Судя по дате, Мугуев отправил это письмо к Трофимову уже после получения второго письма Ошаева. Пожелание Мугуева, изложенное в нем, насколько мы знаем, так и не было удовлетворено.

14. Аргумент, очевидно, несколько условный. Нафи Джусойты в свое время заметил Мугуеву: «Вы — человек умный, у Вас развито чувство эстетической оценки, поэтому «схитрили». Хитрость Ваша в том, что Вы Алексея Петровича соотносите не с лучшими людьми России, а с царем и придворной... [неразборчиво. — И. Х.], с Паскевичем Ерихонским (...), — и, конечно, он выигрывает» [17]. Но если аргумент Мугуева условен, то замечание Джусойты, хоть верно, не совсем справедливо: все российские императоры (за исключением, пожалуй, Петра I) были «изгоями» социалистического реализма, закономерно (поэтически) служившими необходимым отрицательным полюсом на шкале художественной типизации. Это не «хитрость», а эффект естественной оптики советской историософии.

15. Шейх Мансур (1760-1794), первый имам Чечни, лидер вооруженной борьбы горцев против России.

16. Бей-Булат Таймиев (1779-1832), военно-политический деятель Чечни, участник Кавказской войны.

17. Пшемахо Коцев, Гайдар Бамматов (Баммат), Тапа Чермоев, Измаил Баев — представители северокавказской эмиграции в Европе, «не согласившиеся мириться с большевистской властью на Кавказе» [18] и вынашивавшей идею построения на Северном Кавказе суверенного государства горцев.

18. Газета «Вольный горец» начала выходить в сентябре 1919 г. в Тифлисе. Объявив себя органом революционной демократии горских народов Северного Кавказа, газета содержала «альтернативный взгляд» на революцию и гражданскую войну на Северном Кавказе. Редактором «Вольного горца» был осетинский писатель и общественный деятель, позднее ставший одной из главных фигур северокавказской эмиграции, Ахмед Темирболатович Цаликов (1882-1928).

19. Что Мугуев никогда не стеснялся своих позиций, здесь изложенных, подтверждается, помимо письма к А. С. Трофимову, коротким рукописным комментарием к этой переписке вдовы писателя Надежды Павловны Мугуевой, после кончины супруга передавшей его личный архив в МОЛ: «Это очень интересно. Х.-М. сохранял эту переписку. Часто случалось, что читал эти письма кому-нибудь из товарищей, особенно приезжих горцев» [19].

*Документы подготовлены к публикации
И. С. Хугаевым*

1. Хугаев И. С. Мусса Хаким и его письма к Хаджи-Мурату Мугуеву // Известия СОИГСИ. 2016. Вып. 21 (60). С. 142-165.

2. Джембеков Б. Жизнь и творчество Халида Ошаева [электронный ресурс]. URL: <http://bioraf.ru/jizne-i-tvorchestvo-halida-oshava.html>

3. Кусаев А. Д. Халид Ошаев // Кусаев А. Д. Писатели Чечни. Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2005 [электронный ресурс]. URL: <http://bezogr.ru/adiz-kusaev-pisатели-chechni-ocherki-jizni-i-tvorchestva-grozn.html?page=4>

4. Кусаев А. Д. Халид Ошаев. Человек многогранного таланта [электронный ресурс]. URL: <http://abrek.org/1063-h-oshayev-chelovek-mnogogrannogo-talanta-zhzh.html>

5. Ошаев Х. Д. Письмо к Х.-М. М. Мугуеву от 15 сент. 1961 г. [электронный ресурс]. URL: <http://thechechenpress.com/history/5350-2013-12-30-16-35-39.html>; <http://forum.guns.ru/forummessage/316/1023430.html>

6. Лулуев С.-А. Незаживающая рана вайнахов // Вайнах. 2014. № 2. С. 93-94.

7. Мугуев Х.-М. М. Ингушетия: Очерки. М.: Федерация, 1931. 142 с.

8. *magas_dedyakov*. Еще раз о «Владикавказе — столице Ингушетии» // Запись в Livejournal (Живой Журнал). 19 марта 2013 г. в 21.54. URL: <http://magas-dedyakov.livejournal.com/99273.html> (дата обращения: 29.08.17).

9. Из книги: Мугуев Х.-М. Ингушетия. Очерки. М., 1931 [электронный ресурс]. URL: <http://www.studall.org/all2-79921.html>

10. Карнов Ю. Ю. Национальный ресурс в политике государства: диалоги центра и автономий Северного Кавказа в 1920-1930-е годы // Общество как объект и субъект власти. Очерки политической антропологии Кавказа. СПб., 2012. С. 299-375.

11. Чакхчиев Б. Письмо к Х.-М. М. Мугуеву // Фонды Музея осетинской литературы (МОЛ). Ф. Х.-М. М. Мугуева. Ст. 2. П. 1. К. 1 (рукопись).

12. Омаров А., Ахмедзияутдинов Т. Письма к Х.-М.М. Мугуеву // МОЛ. Ф. Х.-М.М. Мугуева. Ст. 2. П. 1. К. 1 (рукопись).
13. Хугаев И. С. Реализм и утопия Хаджи-Мурата Мугуева // Вестник Владикавказского научного центра. 2014. № 3. С. 27-34.
14. Бугаев А.М. Грозненское восстание: август 1958 г. // Вестник Академии наук Чеченской республики. 2013. № 1 (18). С. 98-105.
15. Чжун Се Чжин. Кавказская война и исламский фактор на Северном Кавказе: первая половина XIX века. М., 2005 [электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com/content/kavkazskaya-voina-i-islamskii-faktor-na-severnom-kavkaze-pervaya-polovina-xix-veka>
16. Мугуев Х.-М.М. Письмо к Первому секретарю Чечено-Ингушского обкома КПСС А. С. Трофимову от 8 ноября 1961 г. // Фонды МОЛ. Ф. Хаджи-Мурата Мугуева. Ст. 2. П. 1. К. 9. П. 3.
17. Джусойты Н.Г. Письмо к Х.-М.М. Мугуеву от 28 авг. 1959 г. // Фонды МОЛ. Ф. Хаджи-Мурата Мугуева. Ст. 1. П. 3. К. 8. П. 1 (рукопись).
18. Бабич И. Л. Северокавказская нация в европейской эмиграции (1917-1930-е гг.): миф или реальность [электронный ресурс]. URL: <http://zilaxar.com/istoriya/kavkazskaya-naciya-borba-za-mif/>
19. Мугуева Н.П. Комментарий к переписке Х.-М.М. Мугуева и Х.Д. Ошаева // Фонды МОЛ. Ф. Хаджи-Мурата Мугуева. Ст. 2. П. 1. К. 9. П. 3 (рукопись).